

ИССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ РАБОТЫ СОЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена новому направлению современной философии сознания – исследованию различных нарушений его работы с философских позиций, с опорой на эмпирические данные когнитивной науки. Эта новая парадигма исследований сравнивается с классическим подходом аналитической философии сознания. Дается прогноз развития нового направления.

Ключевые слова: философия сознания; аналитическая философия; нарушения работы сознания; когнитивные науки; сознание

Традиция аналитической философии, заложенная в начале прошлого века её отцами – основателями, такими как Бертран Рассел, Джордж Мур и Людвиг Витгенштейн, на протяжении всего XX века претерпевала значительные изменения. Изначальная её ориентация на логический анализ структуры языка как такового приблизительно к середине века сменилась доминированием исследований обыденного языка, сохранив, впрочем, основные черты аналитического стиля философствования (такие, к примеру, как стремление к ясности, недвусмысленности текста, строгости аргументации, отказ от метафизических изысканий). Однако, философия языка со временем также стала терять свой статус ведущего направления в аналитической традиции, что стало особенно заметно уже к началу 1970-х годов. Этот момент оказался переломным для всей аналитической традиции, поскольку заложенный её основателями упор на исследование языка и решение различных философских проблем с их помощью, «поворот к языку», будучи по своей сути революционным методом философствования, к этому времени исчерпал себя и, как отмечает В. В. Васильев, сменился «классическим поворотом», то есть возвратом к классическим философским вопросам и методу [1]. Было бы, как представляется, преувеличением говорить о полной утрате аналитической традицией своих характерных черт в этот период, однако нельзя отрицать, что она претерпела серьёзнейшие изменения – как тематические, так и методологические.

Именно в этот момент аналитические философы начинают активно работать в области этики, эстетики, эпистемологии и даже метафизики, во многом сохраняя специфическую строгость и ясность аналитического стиля, рассматривая классические проблемы этих дисциплин в новом свете. Одним из ключевых направлений, оформившихся в эти годы, стала аналитическая философия сознания, которая к 1990-м годам завоевала статус, пожалуй, самой популярной дисциплины в рамках традиции, и до сих пор, несмотря на заметное снижение интереса к ней за последние 20 лет, пользуется огромной популярностью.

У традиции аналитической философии сознания есть, на мой взгляд, одна характерная особенность – трудно не признать, что до недавнего времени она занималась преимущественно исследованиями человеческого сознания в его обобщённом виде, то есть усреднённого сознания психически здорового человека при более или менее обычных обстоятельствах. Это хорошо заметно как в ранних классических работах этого на-

правления, таких, например, как статья Фрэнка Джексона «Эпифеноменальные квалиа» 1982 года, так и в более поздних классических работах Дэвида Чалмерса, Дэниэла Деннета и Джона Сёрла.

Этот мой тезис, вероятно, может показаться слишком радикальным и вызвать возражения. У хорошо знакомого с исследуемой традицией специалиста сразу найдутся как минимум два очевидных контраргумента на основе работ упомянутых мной философов. Разве сознание учёной Мэри из упомянутой мной статьи Джексона можно считать «усреднённым сознанием психически здорового человека», если она никогда не имела опыта восприятия цвета [5]? А как насчёт другого мысленного эксперимента – случая мистера Клапгра из работы Дэниэла Деннета «Сладкие грёзы. Чем философия мешает науке о сознании» – разве его сознание не было изменённым из – за его недуга, состоявшего в субъективном ощущении «неправильности» воспринимаемых им цветов [3]?

Мой ответ на эти возражения достаточно прост: в двух этих случаях различные виды «изменённого» сознания используются аналитическими философами лишь для иллюстрации работы тех или иных аспектов всё того же «сознания вообще», убеждения читателя в верности своей позиции по таким аспектам. В самом деле, легко заметить, насколько явно их присутствие в текстах названных философов обусловлено практической необходимостью – собственно, сами авторы несколько не скрывают этого. Кроме того, если случай мистера Клапгра имеет хотя бы отдалённое родство с реально задокументированным психическим расстройством – синдромом Клапгра, которое Деннет просто остроумно обыграл, то в случае с учёной Мэри нарочитая искусственность её «изменённого» сознания. Читателю, я полагаю, вполне ясно, что я сказанным выше вовсе не стремлюсь подловить Деннета или Джексона на чём – то. Совершенно очевидно, что два разобранных мысленных эксперимента, будучи блестящими образцами философского творчества, отлично справились с задачами, которые авторы решали с их помощью. Но так же очевидно то, что, будучи использованы как контраргументы против моего тезиса, они попросту бьют мимо цели.

Я, разумеется, не берусь делать глобальных выводов о полном отсутствии исследований изменённых состояний сознания в традиции аналитической философии до начала XXI века. Вполне вероятно, что при чрезвычайно тщательном поиске можно будет обнаружить лучшие

контрпримеры, чем разобранные мной выше. Мне они, однако, на данный момент неизвестны. Потому мой тезис, в действительности, достаточно осторожен: я лишь утверждаю, что реальные состояния изменённого сознания, вызванные тем или иным психическим расстройством, психотехническими практиками или приёмом психоактивных веществ до недавнего времени почти вовсе не рассматривались в аналитической философии сознания сами по себе, как самостоятельный объект исследования.

Отмечу, что я намеренно использовал выше выражения «традиция аналитической философии сознания» и «классические работы», чтобы подчеркнуть наличие некоторого канона в этом направлении аналитической философии, который в середине 2000-х годов начал претерпевать серьёзные изменения. Данный канон имеет свои характерные черты, отступление от которых, скорее всего, привело бы к маргинализации автора и его работ в рамках традиции. Как представляется, одной из основных таких черт является уже упомянутое ограничение поля исследования именно усреднённым сознанием психически здорового человека при нормальных условиях.

Причины такого положения дел, на мой взгляд, кроются в самой идейной атмосфере, в которой формировалась аналитическая философия сознания. Первый важный для нас аспект этой атмосферы уходит корнями в глубину веков – для подавляющего большинства носителей европейского типа мышления вплоть до конца XIX – начала XX века любой вид изменённого сознания представлял крайне малый интерес сам по себе. Конечно, из этого правила были и исключения – можно вспомнить, например почитание античных прорицателей, входивших в состояние транса, или средневековых мистиков. Однако, по большей части, европейская культура (основные черты которой были унаследованы также США и Австралией) относилась к любым видам сознания, отличающихся от условной нормы, как к дефекту человеческой природы, который следует не изучать, а просто подавлять или исправлять всеми доступными способами. По меткому замечанию Е. В. Косиловой, философы до начала прошлого века относились к патологии субъекта как математики относятся к ошибкам счёта [2]. Что уж говорить о менее просвещённых представителях общества! И хотя в названный период интерес к этой теме и начал медленно расти (чему немало способствовали изыскания Уильяма Джеймса, Зигмунда Фрейда и Карла Ясперса), тематика изменённых состояний сознания для аналитических философов, воспитанных в лоне европейской культуры, считалась, судя по всему, по меньшей мере маргинальной вплоть до начала XXI века.

Второй аспект вряд ли требует такого обширного пояснения, как первый. Речь идёт об укоренившемся в аналитической философской традиции позитивистском видении мира. Мир субъективного опыта, феноменальное сознание – всё это для аналитических философов долгое время представлялось слишком туманной территорией, чтобы говорить о ней всерьёз. Даже скептицизм в отношении феноменальной стороны усреднённого, здорового «сознания вообще» был отвергнут в аналитической традиции не так давно, в 60-х годах

XX века, с окончательным падением бихевиоризма. Для хотя бы частичного признания других состояний сознания как полноправного объекта исследований понадобилось ещё около 40 лет.

Точкой отсчёта в повороте к изменённому сознанию в рамках современной философии сознания, как представляется, можно считать 2003 год, когда в печати вышла монография немецкого философа Томаса Метцингера «Быть никем» [7]. В этой объёмной работе автор, стиль и область исследований которого указывает на его принадлежность к аналитической традиции, впервые использовал эмпирические исследования различных психических расстройств, расстройств восприятия как основание для построения философской теории сознания. В следующей своей монографии под названием «Туннель эго» Метцингер развил свои идеи в более популярной и лаконичной форме, и именно она, судя по всему, остаётся до сих пор самой популярной из его работ [8].

Метцингер стал своеобразным вестником новых путей в философии сознания, однако настоящий их расцвет начался не далее как в 2010-х годах и активно продолжается сейчас. Здесь стоит выделить, к примеру, другого немецкого философа Сашу Бенджамина Финка, предложившего в недавней своей статье чрезвычайно интересный способ решения концептуальных трудностей в интерпретации отчётов о переживании «растворения эго» – состояния психики, которое иногда появляется при определённых психических расстройствах, психотехнических практиках (медитации), или же как эффект при приёме определённых психоактивных веществ и, согласно отчётам переживших его людей, выражается в частичной или полной утрате ощущения себя как единого субъекта, утрате чувства Я [4]. Нельзя не отметить также Рафаэля Мильера, которому принадлежит наиболее полный обзор истории и современного состояния исследований этого удивительного феномена человеческой психики, а также его философских приложений [9]. Другая соратница Метцингера, Дженнифер М. Виндт, также в прошлое десятилетие внесла значительный вклад в обоснование нового направления, исследовав историю изменённых состояний сознания как объекта исследований в философии на протяжении веков [10]. Любопытно, что европейским исследователям вторят из – за океана: австралийцы Филип Джерранс и Крис Летби также активно исследовали феномен растворения эго с позиций философии сознания [6]. Всех названных авторов, отмечу, вряд ли можно по стилю их работ отнести к какой – либо философской традиции, кроме аналитической философии.

Мы, без сомнения, живём в эру очередного Ренессанса в отношении изменённых состояний сознания (предыдущий, с чем, думаю, трудно не согласиться, пришёл на 1960-е годы), и на этот раз академическая философия активно включается в их исследования. Думается, что основными причинами поворота к изменённым состояниям сознания в современной философии сознания стала ситуация, последовавшая за резким ростом и не менее резким падением популярности философии сознания, пришедшаяся как раз на начало XXI века. 1990-е годы были поистине золотым веком для философии сознания – именно в этот период проходили

самые жаркие дебаты, особенно разгоревшиеся после формулировки Дэвидом Чалмерсом различия между лёгкими и трудными проблемами сознания, формировались основные позиции по магистральным, каноническим проблемам. Но столь резкий всплеск популярности имел и обратную сторону очевидно положительных результатов – почти все возможные разумные позиции по большинству проблем прозвучали, и, хотя место для новых исследований, конечно, оставалось и остаётся, магистральные пути философии сознания для многих философов в начале 2000-х годов, видимо, казались уже слишком исхоженными, и некоторые из них (такие, как Томас Metzinger), решились обратиться в качестве эмпирической базы к исследованиям изменённых состояний сознания, которые велись в психиатрии, нейробиологии, когнитивной науке.

У читателя, хорошо знакомого с темой, может возникнуть закономерный вопрос: если даже то самое усреднённое сознание психически здорового человека, «сознание вообще» и его связь с мозгом представляют для современной науки и философии проблему, сравнимую по сложности и важности с проблемой устройства Вселенной, если её даже часто называют последним рубежом науки, то разумно ли вообще тратить силы и время на изучение изменённого сознания? Я полагаю, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным.

Кроме абстрактной апелляции к такому банальному явлению, как исследовательский интерес, я могу также предложить читателю следующий аргумент. Нередкой является ситуация, когда человек, прежде не знакомый с устройством того или иного бытового прибора или другого механизма, вынужден разобраться в нём, когда прибор или механизм ломается. Думаю, здесь вполне уместна аналогия с сознанием – изучение тех или иных отклонений от нормы в его работе вполне может пролить свет на подлинное устройство процессов в нём, что подтверждается многочисленными современными исследованиями, в том числе и названными выше.

Подводя итог, я хотел бы ещё раз заострить внимание на том, что поворот к изменённым состояниям сознания в философии сознания уже произошёл, хотя, судя по всему, до высшей точки этого процесса ещё далеко. Исследования в этом направлении, разумеется, не должны оттягивать на себя всё внимание и ресурсы философского и научного сообществ, однако они, думается, будучи приняты во внимание и объединены с исследованиями «сознания вообще» могут помочь лучше понять работу тех или иных процессов в сознании. Однако для этого, разумеется, необходима слаженная совместная работа учёных и философов. Главные открытия в этой области, по всей видимости, мы увидим уже в ближайшие десятилетия.

Литература

1. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
2. Косилова Е. В. Психиатрия: опыт философского анализа. М.: Проспект, 2014.
3. Dennet D. Sweet dreams: Philosophical obstacles to a science of consciousness. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
4. Fink S. B. Look who's talking! Varieties of ego-dissolution without paradox // *Philosophy and the Mind Sciences*. Vol 1 (1), 2020.
5. Jackson F. Epiphenomenal qualia // *Philosophical Quarterly* 32, 1982.
6. Letheby, C. & Gerrans P. Self unbound: ego dissolution in psychedelic experience // *Neuroscience of Consciousness* 3:1–11, 2017.
7. Metzinger T. *Being No One*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
8. Metzinger T. *The Ego Tunnel: The Science of Mind and the Myth of the Self*. Basic Books, 2009.
9. Millièrè R. Looking for the Self: Phenomenology, Neurophysiology and Philosophical Significance of Drug-induced Ego Dissolution // *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 11, 2017.
10. Windt J. Altered Consciousness in Philosophy. In E. Cardeña & M. Winkelman (ed.), *Altering Consciousness. Multidisciplinary Perspectives*. Praeger, 2011.